

ЭДОГАВА РАМПО

ЧЕЛОВЕК-ТЕНЬ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.521-82
ББК 84(5Япо)я44
Р21

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с японского *У. Сапциной*

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Рампо, Эдогава.

Р21 Человек-тень : [роман] / Эдогава Рампо ; [перевод с японского *У. Сапциной*]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-182649-9

Он обладает множеством имен, талантов и обликов. В совершенстве познал искусство маскировки и мастерство перевоплощения. Одним он известен как искатель приключений, другим — как беспечный повеса, а третьим — как популярный писатель. На самом же деле человек-тень зарабатывает на жизнь вымогательством. Но однажды владелец компании, занимающейся заказными убийствами, предлагает ему спланировать идеальное преступление...

«Человек-тень», один из лучших романов Эдогавы Рампо, заслуживший упоминания у братьев Стругацких в «Хромой судьбе», публикуется на русском языке впервые!

УДК 821.521-82
ББК 84(5Япо)я44

© Перевод. *У. Сапцина*, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Агония льва

Худошавый мужчина лет тридцати двух или трех вошел в вестибюль отеля «Хару» и направился за стойку, в кабинет управляющего.

Управляющий, коренастый невысокий толстяк с маленькими усиками, корпел над гроссбухами, сидя за письменным столом. Над наполовину выкуренной сигарой в пепельнице сбоку от него поднималась тонкая и почти прямая струйка сиреневого дыма. Запах «Гаваны» витал в кабинете, придавая его атмосфере оттенок пошлости.

— Ну что, явился? — усмехаясь, спросил худошавый мужчина.

— Угу, явился. Уже пора начинать.

— Тогда пойду в ту комнату.

— Конечно, попадешься вряд ли, но все-таки будь как можно осторожнее.

Худошавый мужчина был одет во все темно-серое — деловой костюм, сорочку, галстук и так далее, вплоть до обуви. Его одежда как нельзя лучше подходила для того, чтобы сливаться с лю-

бым фоном. Совершенно бесшумно он взбежал по лестнице, тихонько открыл дверь одного из дальних номеров на втором этаже, проскользнул внутрь, не зажигая света, отпер заранее приготовленным ключом шкаф, занимавший одну из стен, и спрятался в нем.

В номере было темно, однако мужчина в сером знал его, как свои пять пальцев. Этот обычный гостиничный номер площадью около пяти цубо* представлял собой узкую комнату, служившую и спальней, и гостиной. Одну ее стену занимал западный одежный шкаф наподобие встроенного, в этот пустой шкаф мужчина и пробрался.

Шкаф вдруг наполнился необычайно ярким светом, который чуть ли не резал глаза. Он исходил от похожего на магазинную витрину окна с цельным стеклом, длиной и шириной в три сяку**, расположенного в передней стене.

Этот несомненно удивительный шкаф обошелся недешево, так как худощавый мужчина не только дал толстяку-управляющему взятку в сто тысяч иен, но и потратил еще двести тысяч на то, чтобы тайно оборудовать шкаф окном, похожим на витрину. В него было вставлено стекло, каким пользуются в полиции, чтобы незаметно наблюдать за поведением подозреваемых: с одной стороны зеркальное, но если взглянуть с другой сто-

* Около 16,5 м². — Здесь и далее, если не указано иное, примеч. пер.

** Чуть меньше одного метра.

роны, то просматривающееся насквозь, как обычное оконное.

Стену под проем для этого окна выдолбили несколько мастеров, каждый из которых выполнил лишь одну часть работы, а необычное стекло, доставленное со стекольного завода, вставил лично управляющий, сроду не державший в руках мастеров, глубокой ночью положив вокруг рамы строительный раствор. Когда подсматривать не требовалось, можно было полностью закрыть это окно щитом, и тогда все здесь выглядело так же, как прежде.

Эту тайну не знал никто, кроме управляющего и художавого мужчины в сером. Владелец отеля не жил в нем, персонал еще не успел пронюхать о делах, творящихся в его стенах. Формально это был обозначенный соответствующим значком на карте отель в традиционном стиле, расположенный на горячих источниках, разве что тихий и классом повыше прочих, но в действительности он загребал непомерно большие деньги, тайно предоставляя номера особо состоятельным клиентам. Отель был устроен так, что даже те, кто работал в нем, не догадывались, что здесь ведется некая скрытая деятельность. Удивительный хитроумный шкаф запирался на потайной замок замысловатой конструкции, и открыть его можно было лишь ключом, который хранили у себя управляющий и художавый мужчина.

Картина по другую сторону окна выглядела невероятно, как видение безумца. В этой комнате

размером около десяти татами* все четыре стены и потолок были сплошь в зеркалах; пол устлан ярко-красным ковром, в центре которого разложили японский футон броской расцветки. На этом футоне разворачивалось странное действие, вызывавшая оторопь.

Представительный мужчина лет пятидесяти, плотного сложения и совершенно голый, сидел на пятках, скорчившись криветкой. В окно была видна плешь величиной с блюдо в его редеющих волосах. С левой стороны они были еще довольно густыми, поэтому мужчина отращивал их подлиннее и обычно зачесывал набок, прикрывая плешь, как бамбуковой шторкой, но сейчас эти длинные пряди свисали слева на лоб, придавая ему зловещее сходство с призраком. Из-под опущенного лба виднелись багровые обвислые щеки в липкой испарине.

Позади странного мужчины стояла во внушительной позе с расставленными ногами красивая женщина. Обликом и осанкой она напоминала героиню фильма, имевшего большой успех сорок лет назад, — разбойницу Протею со снимка, помещенного на фронтисписе «Истории мирового кинематографа» под редакцией Мицуба Сансиро.

Одета она была лишь в плотно, как трико, облегающие тело брюки и рубашку удивительно яркой расцветки, в горизонтальную красную и желтую полосу шириной около пяти сун**. Полосатая

* Примерно 15,4 м².

** 15,15 см.

ткань придавала красавице сходство с красно-желтой зеброй.

Ее тело, все изгибы которого оказались на виду, имело пропорции античной статуи. Ноги были длинными, ягодицы — восхитительно округлыми, фигура восьмеркой, а высокая грудь содрогалась от каждого резкого движения, словно желе. Над грудью на длинной стройной шее возвышалось лицо Протеи. Однако она была не уроженкой Запада, а японкой с телом как у западных женщин, лет двадцати пяти от роду.

Эта сцена уже сама по себе смотрелась странно и подозрительно, а эти двое вдобавок отражались в зеркалах, сплошь покрывающих все четыре стены и потолок, и бесчисленные фигуры полосатых женщин и голых пятидесятилетних мужчин, видные сверху, сбоку, сзади под всевозможными углами, наслаивались, частично закрывали друг друга и мельтешили, заполняя все поле зрения. Разумеется, и мужчина и женщина видели самих себя со всех сторон. В том, собственно, и заключался зловещий фокус зеркальной комнаты.

Раздался резкий треск. Полосатая красавица рассекла воздух ударом бича, как у укротителей львов.

Две комнаты были полностью звукоизолированы. Даже издавая какие-либо звуки в стенном шкафу, не стоило беспокоиться, что на них обратят внимание те, кто находится в зеркальной комнате. В таком случае как же треск бича был услышан через стекло? Благодаря тому, что худощавый

мужчина и толстяк-управляющий скрупулезно все продумали. В углу потолка зеркальной комнаты установили потайной микрофон, динамик от которого провели в стенной шкаф соседней.

— Ну что, Дзянго, уже выдохся? Служить! Ну же, служить! — вырвался из алых губ красавицы властный голос.

Множество алых губ в зеркалах зашевелились в тот же момент. А потом бич снова щелкнул, на этот раз обрушившись на мужчину, и мгновенно оставил на его толстой спине след, похожий на красную шерстяную нитку. Множество красных шерстяных ниток протянулись в зеркалах по многочисленным спинам.

Вероятно, «Дзянго» было кличкой этого «льва». Он приподнялся, приняв странную позу полусидя и поставив руки перед собой как кошка лапы, и откуда-то из груди у него послышалось ворчание. Сверху, сбоку, сзади, спереди в зеркалах бесчисленное множество раз сплетались, вызывая головокружение, эти странные игры.

— Ладно, а теперь в лошадки!

Бич снова взвился в воздух.

«Лев» в человеческом облике встал на четвереньки. И бесчисленные голые мужчины в зеркалах тоже встали на четвереньки. Пуская слюни из раззявленного рта с темноватыми губами, он укордкой бросил на застывшую в блистательной позе укротительницу по-звериному вороватый и раболепный взгляд. Сотни вороватых глаз обласкали сотни женщин со всех сторон.

Полосатая красавица с телом грациозным и гибким, как у воздушной гимнастки, легко уселась верхом на спину «льва» Дзянго. Схватив концы такой же полосатой тесьмы, извлеченной откуда-то и взятой мужчиной в рот наподобие поводьев, под возгласы «н-но» и «тпру» красавица занялась причудливой вольтижировкой. Сотни голых «коней» и красавиц в яркую полоску скакали по комнате вдоль и поперек. Все тот же бич поминутно щелкал то в воздухе, то обрушиваясь на огромные волосатые ягодицы мужчины, на которых появлялся сетчатый узор следов, похожих на красные шерстяные нити. Зеркала на потолке и четырех стенах отражали под всевозможными углами бесчисленные слепящие образы прекрасной наездницы и ее безобразного зверя, напоминающие безумный бред.

Пятидесятилетний «лев» Дзянго, обливаясь потом, кругами бегал на четвереньках по комнате величиной в десять татами.

— Быстрее, быстрее!

Свистнул бич, и полосатая наездница пришпорила своего «коня» пятками, вонзив их в колышущееся брюхо.

Пыхтя и задыхаясь, в поту, каплями стекающем с налитого кровью лица, мужчина собрался с силами и отчаянно припустил во весь опор. Он передвигался на четвереньках с пугающей быстротой, так что даже обдирал колени, и кровь впитывалась в ковер.

Каждый раз, когда этот чудовищный конь пробежал мимо тайного окна, его вид вблизи поражал подглядывающего мужчину. Гигантский зад, в кровь исполосованный бичом вдоль и поперек, и сидящий на нем второй, похожий на огромный полосатый персик, пронеслись прямо перед его глазами, упруго подскакивая, подрагивая и колыхаясь.

Вскоре силы «коня» стали иссякать. Но укротительница не оставляла его в покое. И вольтижировка не прекратилась до тех пор, пока он, измученный насмерть, не рухнул как подкошенный.

Загнанный «конь» безвольно вытянулся на футоне и уже не сдвинулся с места.

Его крупное тело, перепачканное потом, пылью и кровью, казалось комом грязи, от яростных стараний отдышаться плечи, грудь и живот ходили ходуном.

— У-у-у-у... еще, еще... наступи... наступи, растопчи меня! — У мужчины вырвался невнятный звук — не слово, но и не стон.

Красавица в образе Протеи взглянула сверху вниз на повалившегося набок мерзкого зверя и мило улыбнулась. Улыбалась она так, будто выпускался цветок пиона.

Не переставая улыбаться, она вскинула правую ногу и с силой наступила мужчине на плечо. Весь ее облик дышал горделивой мощью усмирительницы львов. И она принялась топтать толстое, раздувшееся тело, словно месила в ступе тесто для моти. С каждым ее шагом изо рта мужчины вырвался стон, жуткий, как вой зверя.

Ее ноги продолжали топтаться по чему попало — даже по багровому лицу задыхающегося мужчины, опрокинувшегося навзничь, по его глазам, носу, рту. И не только ноги: два полушария обтянутых полосатой тканью ягодич с размаху шлепнулись на его лицо, полностью накрыв его. Лишенный возможности дышать и носом, и ртом, мужчина заметался, забил руками и ногами, словно в предсмертных муках.

И наконец, словно в самом деле испустив дух, «лев» безвольно обмяк и застыл неподвижно.

Только тогда красавица избавила его от истязаний, тихонько приподнялась с его лица и грациозно встала. С ровным дыханием и лицом без единой капли пота, по-прежнему сияя милой улыбкой, похожей на распускающийся пион, она окинула поверженного зверя надменным взглядом свысока.

Мастер невидимости

Худощавый мужчина в стенном шкафу досмотрел впечатляющую скачку, спрятал в карман маленький фотоаппарат и вышел, загадочно усмехаясь.

Что за человек этот «лев» Дзянго, он хорошо знал. Именно поэтому, замыслив подсмотреть за ним, потратил крупную сумму и щедро вознаграждал управляющего за хлопоты.

«Лев» Дзянго, на самом деле носивший старинное имя Кономура Дайдзэн, был самым богатым из жителей префектуры С. Он владел множеством предприятий и неустанно выдаивал громадные прибыли при помощи финансовой компании, основанной после войны. Благодаря этим средствам он прошел на выборах в парламент и с тех пор жил, являя собой образец политикана.

Усмешку у худощавого мужчины вызвали мысли о том, насколько крупная сумма попадет к нему в руки. На подглядывание он истратил триста

тысяч иен, а рассчитывал получить как минимум в десять раз больше.

Значит, этот худощавый мужчина жил гнусным вымогательством? В каком-то отношении — да. Но между ним и обычными преступниками имелись некоторые отличия.

Он называл себя Хаями Сокити, или Ватануки Сэйдзи, или Аюсава Кэнъитиро, или Тономура Кэйскэ, или Мияно Рокуро, или же... еще каким-нибудь из множества имен. Одно из них даже принадлежало писателю. В последние несколько лет необычные и невероятные темы обеспечили автору криминальной прозы Сагаве Сюдэю популярность в читательских кругах. Детективы в столь необычном стиле завораживали и редакцию, и читателей скорее загадкой личности писателя и вопросами прежде всего о том, кто же такой Сагава Сюдэй, нежели подлинным мастерством их автора.

Обладатель множества имен, которого будем пока что называть Хаями Сокити, делал все возможное, чтобы истинная личность писателя Сагавы Сюдэя ни в коем случае не была раскрыта. Секретность удваивала продажи его романов, добавок таинственная жизнь, которую он вел, вынуждала его всеми силами оберегать загадку о собственной персоне. Все дела с компаниями, издающими литературные журналы, он вел в переписке, письма с запросами или авторские гонорары получал каждый раз в другом почтовом отделении, отправленные до востребования. Из издательств

в эти почтовые отделения посылали репортеров подкараулить его и выяснить, кто он такой, но он прекрасно знал об этом. На почту за письмом или денежным переводом сам он не явился ни разу, приходили то таксисты, то официанты из бара, и этим посыльным было строго приказано ни в коем случае не возвращаться к нему, если они заметят за собой подозрительный хвост. Случалось, таких посыльных было несколько, и они передавали письмо методом эстафеты, от одного к другому. Заметив при этом хоть какую-нибудь странность, посыльные даже близко не подходили к адресату, и сам он бдительно смотрел по сторонам, щедростью на старания и уловки превосходя даже коммунистов на конспиративных встречах.

Хаями, а мы пока называем его этим именем, был зачислен на гуманитарный факультет одного частного университета, но учебу не закончил. Он только и делал что просиживал в университетской библиотеке, читая все подряд.

Он увлекался также всевозможными видами спорта, мастерски ездил верхом, управлял автомобилем и самолетом. Обладая удивительно развитой координацией движений, однажды он поступил в цирковую труппу, где научился воздушной гимнастике и почти состоялся как акробат.

Каким образом к Хаями приходили уже знакомые нам идеи? Для того чтобы дать точный ответ, потребовалось бы обратиться к его наследственности и обстановке, в которой прошли его детские годы, однако такие подробности автору

этих строк неизвестны. Вероятно, влияние оказали врожденные свойства его характера и книги, которые он бессистемно читал в университетские годы. Целью его жизни со временем стало исследование человека. Однако в его случае это исследование приобрело весьма своеобразную и причудливую форму.

Всё имеет две стороны, лицевую и оборотную, и человек не исключение. Вот эту-то оборотную сторону человека Хаями и стремился изучать. И это изучение носило не социологический или психологический, а, если угодно, криминологический характер. Но его целью были не общие исследования, какие обычно предпринимают специалисты по криминологии, а тайная жизнь выбранных им отдельно взятых личностей, неизвестная ни широкому кругу людей, ни даже их собственным семьям.

Исследования такого рода внушают либералам более стойкое отвращение, чем змеи и скорпионы. Ведь уважительное отношение к личным секретам друг друга — девиз либералов. Врач, ни в коем случае не обсуждающий с посторонними состояние пациента, демонстрирует скрытность, свойственную либеральному мышлению. Поэтому в либеральных кругах исследования Хаями крайне презрительно воспринимали не только как шпионаж, но и во многих случаях как преступление. В этом смысле и не только в нем он был преступником.

На основании собственного жизненного опыта Хаями пришел к выводу, что невозможно пред-